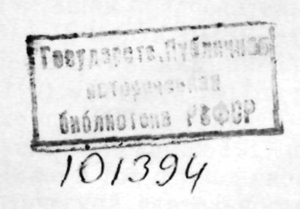
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ

4

1988

Журнал выходит 4 раза в год

Издается с 1980 года

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

«ПАВЛОВСКАЯ СЕССИЯ» 1950 г. И СУДЬБЫ СОВЕТСКОЙ ФИЗИОЛОГИИ

Л. Г. Лейбсон (доктор биологических наук, Институт эволюционной биохимии и физиологии АН СССР, Ленинград). Научная сессия двух академий, посвященная проблемам физиологического учения акад. И. П. Павлова, состоявшаяся в 1950 г.,— это поистине трагическое событие в истории физиологии Советского Союза, и в частности школы Леона Абгаровича Орбели. Трагичность события усугубляется тем, что лишь за несколько лет до этого советская наука переживала подлинный триумф. Никогда ей не оказывали такого внимания, такого почета, как в первые годы после войны. Роль науки в победе Советского Союза над германским фашизмом была общепризнана как в нашей стране, так и за рубежом. Об этом писали такие иностранные журналы, как «Nature» и «Science». Целый ряд ученых, в том числе и Л. А. Орбели, были избраны почетными членами иностранных академий и научных обществ. Празднование 220-летия Академии наук в 1945 г., в котором принимали участие виднейшие ученые мира, вылилось в настоящий парад советской науки. Орбели как вице-президент Академии наук принимал в проведении этих торжеств видное участие. В 1945 г. ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. По военной линии он носил с 1943 г. звание генерал-лейтенанта медицинской службы, а с 1944 г.— генерал-полковника (высшее военно-медицинское звание). Во время войны он стоял на ответственном посту начальника Военно-медицинской академии. Орбели возглавлял два физиологических института и целый ряд комиссий и журналов. На этом фоне гром, который грянул над головой Орбели и его окружения в 1948 г., был неожидан и крайне болезнен. Драматическая борьба, которая разыгрывалась в генетике (достаточно вспомнить дискуссии 1936 и 1939 гг.), не затрагивала до сессии ВАСХНИЛ физиологии и не коснулась Орбели.

Конечно, как академик-секретарь биологического отделения Академии наук он, естественно, был в курсе происходящей борьбы, однако рассматривал ее как чисто научное соперничество и потому не препятствовал, да и не мог препятствовать восхождению Лысенко. В то же время он всемерно содействовал созданию Н. К. Кольцовым Института цитологии, гистологии и эмбриологии.

Продолжая начатые Павловым исследования по генетике высшей нервной деятельности в Институте эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И. П. Павлова в Колтушах, Орбели неоднократно советовался с Кольцовым. Он пригласил в институт опытного генетика Розу Андреевну Мазинг, проводившую исследования по генетике поведения насекомых на мушках-дрозофилах. Его сотрудник И. И. Канаев изучал в лаборатории Н. И. Красногорского генетическими методами особенности близнецов. Тем не менее даже на сессии ВАСХНИЛ 1948 г. ни Лысенко, громивший так называемую «формальную генетику», ни его соратники не упоминали и не нападали на Орбели. Об этой сессии можно было бы не упоминать. О вреде, которую она принесла советской науке, написано достаточно. Однако именно с этой сессии нача-

---

Продолжение. Начало см. в № 3 за 1988 г.

лись беды Леона Абгаровича, распространившиеся на его школу и на ряд других физиологов.

После победы Лысенко над «менделизмом — вейсманизмом — морганизмом» благодаря открытой поддержке его со стороны высших партийных инстанций во главе со Сталиным от всех биологических организаций, научно-исследовательских и учебных, категорически требовалось признание этой победы. Естественно, включиться в разгром генетической науки обязана была и Академия наук. Поэтому вскоре после сессии ВАСХНИЛ, 24—26 августа, Президиум АН СССР провел расширенное заседание в поддержку Лысенко. Докладчиком должен был выступить Леон Абгарович как академик-секретарь Отделения биологии. Он оказался в очень трудном положении, так как не сочувствовал тому демогогическому стилю борьбы за свои идеи, каким пользовался Лысенко. С другой стороны, он искренне не принимал некоторых взглядов его противников. Так, в вопросе о наследовании приобретенных особенностей высшей нервной деятельности Орбели скорее склонялся к признанию этого наследования, чем к его отрицанию. В этом отношении он придерживался взглядов Сеченова, который придавал решающую роль в формировании признаков особи внешней среде, а не наследственным факторам. Близкой точки зрения придерживался и Павлов, хотя он и отказался от первоначального вывода из проведенных в его лаборатории опытов—что условные рефлексы передаются по наследству. П. Ф. Лесгафт, которого глубоко почитал Орбели, был последовательным ламаркистом. Хромосомная теория, исключавшая непосредственное участие факторов среды в процессе наследования признаков, представлялась Орбели слишком ограниченной. Вдобавок он тогда не знал о фальсификации результатов, полученных Лысенко и его учениками. Поэтому доклад Орбели носил двойственный характер. Он счел наиболее разумным не поддерживать ни той, ни другой стороны, отстраниться от развернувшейся борьбы и просить освободить его от должности академика-секретаря. Конечно, такая позиция не могла удовлетворить сторонников Лысенко и официальных представителей власти, и на Орбели посыпался град незаслуженных упреков. В постановлении Орбели был подвергнут резкой критике и освобожден от обязанностей академика-секретаря Отделения биологии.

В деятельности Физиологического института АН СССР особых изменений не произошло. Был пересмотрен план исследований «в свете требований мичуринской биологии», в него были включены некоторые темы практического значения. Но никаких кардинальных изменений в работе не последовало.

Хуже обстояло дело в Институте эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности в Колтушах. Этот институт был подчинен Академии медицинских наук. В нем под руководством Орбели использовались осужденные генетические методы. В частности, как уже сказано, изучалось наследование поведения на ненавидимых лысенковцами мушках-дрозофилах. Комиссия АМН СССР требовала удаления из института двух представителей «формальной генетики» — Мазинг и Канаева. Но, как заявил Леон Абгарович на общем собрании института, за все, что делалось в институте, полностью отвечает он сам и никого увольнять не будет. Более того, он принял на работу в институт удаленного из университета заведующего кафедрой генетики М. Е. Лобашова. Этими актами Орбели открыто противопоставил свою линию линии Лысенко и высших органов партии и правительства. Такое поведение было в то время нетерпимо. Как и можно было ожидать, за этим последовали меры, направленные на дискредитацию, на унижение Орбели. Наиболее ясно это выразилось в организации АН СССР и АМН комиссии для проверки деятельности институтов, руководимых Леоном Абгаровичем. Председателем комиссии был назначен Л. Н. Федоров, членами — К. М. Быков, Э. А. Асратян, И. Е. Глущенко, И. П. Разенков. Выводы комиссии были пристрастны и враждебны по отношению к Орбели.

Леон Абгарович резко критиковал эти выводы в письме главному секретарю Академии наук А. В. Топчиеву, который всегда с большим уважением относился к нему. Надуманность выводов комиссии очевидна, если сравнить их с оценкой деятельности Орбели и его институтов, которая была дана за 2 года до того Быковым и Разенковым. Но что мог сделать в этих условиях Топчиев!

28 июня 1950 г. двумя академиями под несомненным давлением Отдела науки ЦК партии была организована сессия, посвященная проблемам физиологического учения акад. И. П. Павлова. Сессия продолжалась с 28 июня по 4 июля. Каждый день, за

исключением одного, выходного, происходило два заседания. Стенографический отчет сессии с добавлением несостоявшихся выступлений охватывает 734 страницы. Наибольшее количество речей было направлено против Орбели. В качестве основных обвинителей выступали К. М. Быков, А. Г. Иванов-Смоленский, Э. Ш. Айрапетянц. Против Орбели выступали и некоторые из его учеников. Лишь отдельные из них (А. Г. Гинецинский и Г. В. Гершуни) отстаивали правоту взглядов Орбели. В нападках на Орбели принимали участие и философы, и психологи. Участвовали в сессии и представители других специальностей. Многие выступления имели далекое отношение к обсуждавшимся вопросам павловского учения. Те, кому не удалось высказать свои соображения, излагали свое мнение письменно. Все это создавало впечатление многолюдной, оживленной дискуссии, протекавшей под девизом Сталина: «Общепризнано, что никакая наука не может развиваться без борьбы мнений, без свободной критики». Каковы были борьба мнений и свобода критики при Сталине, хорошо известно. Перед сессией стояла основная задача — унизить Орбели и лишить его возможности работать.

К чему же сводились обвинения?

Первое заключалось в том, что Орбели, разрабатывая свое учение об адаптационно-трофической нервной системе, якобы не уделял достаточно внимания проблемам высшей нервной деятельности. Нетрудно, познакомившись с трудами Орбели, убедиться в том, что это не так.

Далее, против Орбели было выдвинуто обвинение в том, что он исказил учение Павлова о первенствующем значении коры головного мозга, так как утверждал, что симпатическая нервная система распространяет свое регулирующее влияние на все органы, в том числе и на центральную нервную систему, включая головной мозг, а также органы чувств. И это обвинение надуманное. Ясно, что чем сложнее прибор, тем большее значение имеет регулирующий деятельность аппарат. Вряд ли кто-нибудь из врачей и вообще образованных людей сомневается в том, что поведение человека зависит от кровоснабжения мозга, от вегетативной нервной и эндокринной систем. Павлов неоднократно подчеркивал значение подкорковых центров для высшей нервной деятельности.

Следующее обвинение заключалось в том, что в лабораториях Орбели не изучалось влияние коры головного мозга на функции внутренних органов. Но, во-первых, такое изучение проводилось как раз в те годы, когда к изучению этой проблемы приступил Быков. Во-вторых, почему Орбели должен был изучать эту проблему, если она успешно разрабатывалась в лабораториях Быкова? Гораздо важнее было заниматься другими мало освещенными проблемами.

Большое внимание было уделено физиологами, психологами и философами взглядам Орбели на соотношение субъективного и объективного методов при изучении высшей нервной деятельности человека. Орбели обвиняли в идеализме, дуализме и тому подобных грехах. Однако никакого противоречия во взглядах Орбели с идеями Павлова не было. Павлов не раз указывал, что использование субъективного и объективного методов при изучении человека должно рано или поздно вскрыть одни и те же закономерности высшей нервной деятельности.

Далее, Орбели обвинялся в том, что при изучении генетики высшей нервной деятельности он стоял на формально-генетических позициях. Однако он продолжал линию исследований, которую начал Павлов. Единственное, в чем Орбели признавал себя виноватым,— это то, что он недостаточно развивал павловские взгляды на вторую сигнальную систему. В действительности же и в этом отношении он и его ученики сделали больше, чем другие физиологи.

Таким образом, все обвинения, предъявленные Орбели, были лишены оснований, и если иногда в ходе дискуссии Орбели признавал свои ошибки, то это было формальным актом в целях защиты, что приводило в ярость его врагов.

Последствия сессии совершенно четко обнажили ее истинные намерения: Орбели был отстранен от всех занимаемых постов. Он перестал быть директором павловских институтов, начальником кафедры физиологии Военно-медицинской академии, председателем ряда комиссий. Ему было оставлено только отделение физиологии Естественно-научного института им. П. Ф. Лесгафта. В связи с тем что оба физиологических института были реорганизованы в новый Физиологический институт АН СССР во главе с Быковым, прежние сотрудники были либо переведены в новый институт, либо уво-

лены. Ряд старых лабораторий прекратил свое существование. Был уволен Генецинский — заместитель Орбели по Физиологическому институту АН СССР; уволены сотрудники Гинецинского — З. И. Барбашева, Н. И. Михельсон, Н. А. Итина. Гинецинский должен был оставить также свою кафедру в Педиатрическом медицинском институте и уехать в Новосибирск, где он фактически заново организовал и поднял на большую высоту кафедру физиологии медицинского института.

Из института в Колтушах были уволены заместитель Леона Абгаровича А. М. Алексанян, ученый секретарь института А. В. Война-Ясенецкий, заведующая лабораторией О. А. Михалева. Была закрыта моя лаборатория и уволена сотрудница Р. С. Лейбсон. Некоторые сотрудники кафедры физиологии Военно-медицинской академии, в частности А. И. Бронштейн, также должны были уйти. Несколько месяцев уволенные сотрудники оставались без работы, но потом были зачислены Президиумами АН и АМН в индивидуальные группы акад. Орбели.

Из обширного круга проблем, которыми он занимался, когда стоял во главе крупных институтов, он должен был теперь выбрать ту, которая не требовала участия многих сотрудников, большого помещения и богатого оборудования. Он решил остановиться на изучении развития высшей нервной деятельности ребенка. Этот выбор был продиктован еще и тем, что Научно-исследовательский институт им. П. Ф. Лесгафта находился в ведении Академии педагогических наук, и Орбели считал своим долгом учитывать ее интересы. Основной базой для рабочей группы Орбели стала клиника Педиатрического института, которую возглавлял профессор А. Ф. Тур, активно поддерживавший Орбели.

Дело, однако, осложнилось тем, что после Объединенной сессии АН и АМН контроль за всеми физиологическими работами был возложен на специальный Научный совет по проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова. Поэтому план работ группы Орбели должен был быть утвержден этим Советом. Председателем Совета был назначен акад. Быков, заместителем — Иванов-Смоленский, ученым секретарем — Айрапетянц. Кроме них в состав Совета входил ряд лиц, проявивших во время Объединенной сессии враждебное отношение к Леону Абгаровичу.

Орбели имел основание опасаться, что названный Научный совет будет препятствовать проведению им и его сотрудниками намеченных работ. Ведь его обвинили в нарушении при изучении высшей нервной деятельности человека методологических основ павловского учения. Опасения оправдались. Научный совет собрался в конце июня 1951 г. и заседал три дня. Стенограмма заседаний показывает, что Объединенная сессия 1950 г.— лишь бледный пролог того, что происходило на Научном совете. В еще более резкой форме Орбели обвиняли в тех же «смертных грехах», что и за год до этого: «И сегодня в довольно обширном докладе Леона Абгаровича,— говорил Быков,— я лично не усмотрел, чтобы он вскрыл свои принципиальные ошибки по вопросу высшей нервной деятельности, а также и по другим разделам физиологии». Снова посыпались вопросы и выпады против Орбели. Иванов-Смоленский задал 23 вопроса, которые заняли 5 страниц стенограммы. Возвращались и к диссертации, защищенной Орбели в 1907 г. Орбели напомнил, что его оппонентом был Павлов, который дал положительный отзыв. Более того, после защиты он направил Леона Абгаровича в заграничную командировку. Орбели должен был еще раз доказывать, что, создавая свое учение об адаптационно-трофической функции симпатической нервной системы, он исходил из идей Павлова и что Иван Петрович высоко ценил его взгляды, что в Колтушах он продолжил работу, начатую Павловым, и что Павлов, а не он, поставил памятник Менделю. «Было это или не было? — спрашивает Орбели.— Надо же говорить правду! Иван Петрович говорил правду и только правду. Зачем же вы, его ученики, говорите неправду?».

Совершенно очевидно, что обсуждение сравнительно ограниченного плана работ, которые при создавшихся условиях мог вести Орбели с небольшой группой учеников, никак не могло занять три полных дня с двумя заседаниями, утренним и вечерним. Цель этих заседаний — вымотать Орбели, замучить, сделать его неработоспособным. На одном из заседаний Орбели заявил: «Я думаю, что вы все, как ученики Ивана Петровича, поймете, что определенная перенапряженность нервной системы в конце концов достигает предела, при котором уже трудно становится надлежащим образом затронуть чрезвычайно важные, принципиальные вопросы...».

Все разъяснения и ответы Орбели были признаны неудовлетворительными. Представленный Леоном Абгаровичем план не был утвержден.

Это был новый удар по Орбели и его ученикам. Директор Института им. П. Ф. Лесгафта А. А. Шибанов собирает ученый совет и докладывает об итогах состоявшейся сессии Научного совета. В очередной раз он доказывает порочность взглядов Орбели. Все же, несмотря на сопротивление Шибанова, Орбели и его сотрудники продолжают вести намеченные исследования. Это оказалось возможным благодаря тому, что профессор Педиатрического института А. Ф. Тур по-прежнему активно поддерживал Леона Абгаровича и предоставлял свою клинику в его распоряжение. Более того, некоторые врачи, работавшие в клинике Тура, включились в разработку тематического плана Орбели.

К концу 1952 г. был выполнен ряд интересных работ по развитию нервной деятельности у детей. Сотрудники Орбели: З. И. Барбашева, А. И. Бронштейн, Э. Г. Вацуро, А. В. Войно-Ясенецкий, З. И. Денисова, Н. А. Итина, С. И. Кайданова, М. Дж. Кашкай, И. И. Кургановский, Д. Б. Малаховская, И. К. Самойлова — и несколько сотрудников Тура доложили результаты своих исследований на заседаниях Ленинградского физиологического общества и Ленинградского общества детских врачей в конце 1952 г. и на I Конференции по возрастной морфологии и физиологии в Москве в 1953 г.

Работы эти не были санкционированы Научным советом, и он требовал представления переработанного плана. Такой план был представлен Леоном Абгаровичем в конце 1951 г. академику-секретарю биологического отделения АН СССР А. И. Опарину. Тот направил эти планы на отзыв Быкову и Иванову-Смоленскому. Первый счел, что представленный план не отвечает тем решениям, которые были даны в специальном постановлении сессии Научного совета, и потребовал его переработки. Примерно такой же отзыв дал Иванов-Смоленский.

Научный совет, собравшийся в конце декабря 1952 г., вынес решение, что Орбели по-прежнему остается на антипавловских позициях в науке. «На IV сессии Научного Совета (т. е. той, о которой говорилось выше.— *Л. Л.*) академик Л. А. Орбели заявил о согласии с критикой допущенных им ошибок в физиологии. В настоящее время академик Л. А. Орбели утверждает, что IV сессия не только не оказала ему какой-либо помощи, но, наоборот, имела лишь отрицательное влияние на его научную деятельность... Академик Л. А. Орбели и его сотрудники не приняли во внимание рекомендаций Научного Совета о исправлении допущенных ими теоретических ошибок... Академик Орбели не желает прислушиваться к критике, направленной на помощь в преодолении допущенных им ошибок».

Особенно энергичную роль в разжигании антиорбелевской истерии сыграл Айрапетянц. 23 марта 1953 г. он организовал заседание Общества физиологов, биохимиков и фармакологов им. И. М. Сеченова в Ленинграде. На этом собрании он докладывает об итогах очередной сессии Научного совета, доказывая среди прочего, что Орбели — идеалист, дуалист, враг павловского учения, что «по существу, собственно говоря, он никогда не понимал и не усвоил павловской методологии». По словам Айрапетянца, позиция Орбели «от начала до конца была идеалистической по всем вопросам физиологии».

Эта речь Айрапетянца — апофеоз его деятельности как ученого секретаря Научного совета и наиболее яростного обвинителя Орбели. Д. А. Бирюков и другие участники собрания стремились поддержать Айрапетянца, но по пафосу обвинительных речей они сильно отставали от своего вожака.

Не все желавшие могли высказаться на этом заседании. Поэтому оно было перенесено на будущее. Состоялось ли оно, я не знаю. Ни стенограммы, ни других следов его мне найти не удалось. Но сохранилась запись подготовленного Орбели ответного доклада. В этом докладе Орбели еще раз доказывает правоту своих взглядов, в частности взгляда на соотношение объективного и субъективного при изучении высшей нервной деятельности человека.

Тем временем общественная атмосфера в стране менялась. Появилась надежда, что изменится и положение ученых. В отчете за 1953 г. Орбели решительно ополчается против Научного совета и вреда, который он принес. «Наибольшие затруднения в развитии моей работы после объединенной сессии,— пишет он,— были созданы ведущими членами Научного Совета по проблемам физиологического учения Павлова — акад.

К. М. Быковым (председатель), проф. А. Г. Ивановым-Смоленским (зам. председателя) и проф. Э. Ш. Айрапетянцем (ученый секретарь)... Они сослужили плохую службу Советской науке, введя в заблуждение общественное мнение, мнение Президиумов обеих Академий, а тем самым Партию и Правительство. Если бы не моя полная уверенность в том, что Партия и Правительство наверняка разберутся во всех вопросах и вскроют истину, если бы не неуклонное стремление мое и моих сотрудников отдать все силы служению Родине, мы давно уже свалились бы под тяжестью тех неправильных и несправедливых обвинений, которые возводили на нас ведущие члены Научного Совета, создавая прямые помехи нашим работам...».

В мае 1955 г. в Киеве состоялся очередной VIII Всесоюзный съезд физиологов, биохимиков и фармакологов. Орбели, выступивший на съезде с докладом, был встречен бурными овациями. Было вынесено постановление, осуждающее неправильные организационные выводы, сделанные вслед за Объединенной сессией двух академий в 1950 г. Правда, сама эта сессия, как и сессия ВАСХНИЛ 1948 г., еще восхваляются как принявшие «первостепенной важности решения о развитии физиологии по павловскому пути». Руководители съезда, активно участвовавшие в Объединенной сессии и Научном совете, все же должны были признать, что «Центральный совет Общества не принял мер для правильной реализации важнейших решений, принятых Объединенной сессией Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, в частности не боролся с рядом извращений этих решений со стороны Павловского научного Совета и с отрицательным влиянием, оказываемым на развитие советской физиологии монопольным положением отдельных ученых».

4 июня 1956 г. Научный совет по проблемам физиологии высшей нервной деятельности прекратил свое существование.

Положение Орбели к этому моменту уже круто изменилось к лучшему. В сентябре 1954 г. Президиум АН СССР постановил преобразовать индивидуальную академическую группу, работавшую под руководством Орбели, в самостоятельную Лабораторию эволюционной физиологии. Лаборатория пополнилась новыми сотрудниками. К 1 января 1955 г. их насчитывалось уже 37. Осенью 1955 г. из Новосибирска вернулся Гинецинский, ставший снова заместителем Орбели. Вернулся и бывший заместитель Орбели по институту в Колтушах Алексанян. В марте 1956 г. по решению Президиума АН Лаборатория эволюционной физиологии была реорганизована в Институт эволюционной физиологии имени И. М. Сеченова. Большинство бывших сотрудников Орбели вновь вошли в состав его коллектива. К 1957 г. было построено новое, собственное здание института. До этого сотрудники теснились в бывшем Институте имени П. Ф. Лесгафта и других научных учреждениях.

Пережитые Леоном Абгаровичем тревоги тяжело отразились на его здоровье. В июле 1957 г. он на короткое время поборол болезнь и научная общественность смогла в большом актовом зале Академии наук многолюдно и торжественно отметить его 75-летие.

9 декабря 1958 г. Л. А. Орбели не стало.

Первое время после его смерти обязанности директора исполнял Гинецинский, которого вскоре сменил Е. М. Крепс. Институт расширился и по числу лабораторий, и по своей площади. Он получил название Института эволюционной физиологии и биохимии имени И. М. Сеченова.

Такова краткая история трагических лет жизни Л. А. Орбели и его школы.

А. И. Ройтбак (член-корреспондент АН СССР, Институт физиологии им. И. С. Бериташвили АН ГССР). Я благодарен за приглашение на это важное заседание, организация которого является смелым шагом,— к чести его устроителей.

Я задавался не раз вопросом о том, кто был инициатором «Павловской сессии», почему и для чего она была созвана. Я разговаривал с некоторыми действующими лицами, но одни не хотели говорить на эту тему, другие сводили все к личным отношениям между К. М. Быковым, Л. А. Орбели, П. К. Анохиным в борьбе за власть. Что побудило Сталина выбрать именно эту науку? Я могу только фантазировать на этот счет. Я слыхал от Э. Ш. Айрапетянца (в 1963 г.), что у него есть машинопись доклада Быкова с пометками Сталина; он говорил, что покажет мне ее.

Начну с предыстории событий, имевших место в Тбилиси в связи с Объединенной сессией АН СССР и АМН СССР 1950 г. В 1948 г. на Закавказский съезд физиологов в Ереван приехал Х. С. Коштоянц и выступил с докладом на открытии съезда[1], где говорил об идеологических ошибках акад. И. С. Бериташвили. Основная идея концепции Бериташвили (здесь об этом уже говорили предыдущие докладчики) состояла в утверждении того, что наряду с условно-рефлекторной деятельностью у животных есть и другой вид высшей нервной деятельности, основанный не на выработке условных рефлексов, а на другом принципе — возникновений в мозге образов внешнего мира. Теперь это находит подтверждение: в обзорной статье М. Мишкин (США) пишет, что многие ученые пришли сейчас к выводу о том, что у животных наряду с автоматической памятью есть память образная[2]. Появились статьи философа С. А. Петрушевского и физиолога Э. Г. Вацуро с тенденциозной критикой концепции И. С. Бериташвили.

Один из видных сотрудников нашего института Д. М. Гедеванишвили, незадолго до этого избранный по представлению акад. Бериташвили в члены-корреспонденты АН ГССР, счет возможным присоединиться к его критикам, объявив себя поборником мичуринского и павловского учений. Он вел «засекреченные» опыты и обнаружил в мозге кролика особый ритм электрических колебаний частотой 55 герц.

Бериташвили попал в автомобильную катастрофу, лежал с переломом позвоночника и поэтому на какое-то время был выключен из ситуации. Гедеванишвили доложил на заседании Физиологического общества о своем открытии — «крупнейшем после открытия Г. Бергером альфа-ритма». Я был на докладе, мне записи его синусоид показались очень сомнительными. Мы с С. Н. Хечинашвили (оба — старшие научные сотрудники) при участии Саломэ, дочери И. С. Бериташвили, начали свои «засекреченные» опыты. На расшифровку «открытия» нам понадобилось 2 недели: мы обнаружили, что вспышки колебаний 55 герц возникали в ритме дыхания; если же кролик дышал не через нос, а через трубку в трахее, их не было. Потом мы удаляли вообще весь головной мозг, кроме его ствола, чтоб кролик продолжал дышать, и от костей черепа отводились такие же ритмы. Мы показали опыт Ивану Соломоновичу, и он сказал, что о них надо доложить на заседании Физиологического общества. На этом заседании было столько народу, что люди не помещались в зале, стояли в коридоре. Докладчиком был я. Гедеванишвили ничего не смог возразить.

Такова была обстановка в Тбилиси перед «Павловской сессией», на которую Бериташвили не смог поехать. Он послал текст своего выступления — блестящее изложение своей концепции. В ответ пришла телеграмма от президента АН СССР С. И. Вавилова, в которой он рекомендовал отказаться от публикации. Несмотря на это вопреки советам окружающих Бериташвили настоял на опубликовании текста.

Эпицентр событий был в Москве и Ленинграде, с некоторым запозданием волна докатилась до Тбилиси: в наш институт прибыла комиссия в составе П. С. Корнилова, Л. Н. Федорова и Л. Г. Воронина. Они заходили в лаборатории, в том числе и ко мне. У меня шел опыт с осциллографической регистрацией электрических реакций коры при комбинации раздражений в двух ее точках. При этом получалось нечто вроде выработки временной связи. Я видел, как заблестели глаза у Корнилова, но Федоров тут же сказал, что они спешат, и, не дослушав моих объяснений, они ушли. Бериташвили показывал им свои поведенческие опыты. Как мне потом рассказали, эти опыты и их интерпертации вызвали недовольство комиссии. Единственное, что она похвалила,— это установку, собранную одним сотрудником для автоматической выработки условных рефлексов у рака. Решение комиссии по нашему институту было, как говорили, мягче, чем ожидалось.

Бериташвили официально попросил Ю. А. Жданова устроить публичное обсуждение его концепции в Москве с приглашением видных специалистов. Он по наивности думал, что это будет академическая дискуссия. Роли заранее были распределены: не было, конечно, ни одного высказывания в его пользу. В выступлении высокопоставленного философа Александрова, опубликованном затем в «Литературной газете» (1951. № 6) говорилось, что «И. С. Бериташвили ушел в болото идеализма», «отступил от

---

[1] См.: Медицинский работник, сентябрь 1948.
[2] *Мишкин М.* «В мире науки», № 8, 1987 г.

основ материализма и ленинской теории отражения», что «его деятельность отличается спекулятивностью в науке и бесплодием в практике», «наносит вред советской науке» и т. д.

После этого начали пребывать эмиссары Павловского совета, и обстановка еще более накалилась. В «Физиологическом журнале СССР» (1952 г.) была опубликована статья Л. Г. Воронина — более резкая, чем все, что до тех пор печаталось против Бериташвили.

На очередном Павловском совете А. Г. Иванов-Смоленский указал, что электроэнцефалография — порочный метод. Я видел, как изменился в лице А. Д. Зурабашвили, директор Института психиатрии; вернувшись в Тбилиси, он опечатал электроэнцефалографический кабинет. Это все-таки был не самый плохой выход, потому что в некоем учреждении в Ленинграде аппаратуру попросту выбросили во двор. Когда я пришел после этого к Ивану Соломоновичу, он сказал: «Знаешь, мы с тобой начали интересные опыты (по изучению электрических явлений в спинном мозге лягушки.— А. Р.), в институте мы продолжать не можем. Поедем ко мне на дачу в Сухуми. Я приобретаю осциллограф, усилители, лягушек там много». Конечно, это не разрешили бы. Надо отметить, что в ЦК компартии Грузии (К. Н. Чарквиани) старались сделать так, чтобы Бериташвили остался во главе института. Но в конце концов, не признавший своих «ошибок», он был смещен с поста директора.

Был созван новый Павловский совет. Присутствовали Ю. А. Жданов и члены совета: К. М. Быков, А. Г. Иванов-Смоленский, Л. Г. Воронин, Э. Ш. Айрапетянц. Был заслушан доклад Д. М. Гедеванишвили, в котором он опять говорил о своем открытии ритма 55 герц, не предполагая, что в зале присутствует С. П. Нарикашвили, а также мы с С. Н. Хечинашвили, приехавшие без приглашения. Было очень сложно добиться выступления в прениях; мы по очереди кратко изложили результаты экспериментального анализа ритма 55 герц: «Какие бы цели ни преследовались, нельзя выдавать вибрацию носовых костей за проявление высшей нервной деятельности». Из задних рядов нам зааплодировали. Это вызвало негодование Айрапетянца, секретаря Совета. Проходя в перерыве мимо меня, он спросил: «Вы довольны своим выступлением?» Взгляд его не предвещал ничего хорошего.

Только насколько лет назад случайно удалось узнать, что в то время Гедеванишвили собирались назначить директором нашего института, но в связи с критикой его опытов Ю. А. Жданов распорядился выяснить, каково же его научное реноме, и решение было задержано. Так, случайное обстоятельство — научный диспут о ритме 55 герц — сыграло важную роль в судьбе физиологии в Грузии.

Неизвестно, чем бы все тогда кончилось, но умер Сталин, и сразу кампания против «врагов» павловского учения прекратилась. Уже в 1955 г. АМН СССР провела в Москве научную сессию по проблеме торможения, на которой выступили с докладами академики Орбели и Бериташвили.

В тяжелые 1948—1953 годы ученики акад. Бериташвили не отступились от него; грузинская школа физиологов была одной из немногих, не утративших своего достоинства. Поэтому пагубные моральные, последствия «Павловской сессии» у нас были минимальными. Но в других случаях о какой школе и морали можно говорить, когда ученики вставали и поддакивали, что их учитель — идеалист, тормозил развитие науки, зная, чем это ему грозит. Нельзя осуждать огульно всех, мы сейчас знаем, что заставляло многих так поступать, но некоторые это делали с готовностью, из низменных побуждений. Я согласен с тем, что основная масса физиологов отрицательно относилась к происходившему. В Киеве на съезде физиологов в 1955 г. я был свидетелем того, как зал встретил овацией Орбели, а при выборах правления забаллотировали Быкова, Айрапетянца, Гедеванишвили.

Но последствия «Павловской сессии» сказываются до сих пор. Дело не только в том, что развитие ряда разделов физиологии было у нас в стране задержано на много лет. Разрушительное влияние сессии задело основы научной деятельности, традиции, этику, свободу научного мышления, скованного страхом нарушить, преступить определенные догмы и положения. Объединенная сессия двух академий, «Павловская сессия», как ее, к сожалению, называли— это аморальное мероприятие. Должны быть, очевидно, названы виновные происшедшего, а также, что крайне важно,— те, кто проявил тогда мужество в отстаивании научных принципов.

И. М. Фейгенберг (доктор медицинских наук, Центральный институт усовершенствования врачей, Москва). Очень хорошо, что журнал организовал эту дискуссию. И вот почему. Необходимо дать оценку прошлому, истории. История, в моем представлении, это наука, обращенная в будущее. История нужна для будущего. И ясную оценку прошлому мы должны дать прежде всего для того, чтобы сделать выводы для будущего. Потому что само по себе прошлое — вроде бы, к чему его ворошить?

Стенографический отчет этой сессии нельзя сдавать в макулатуру или забыть, как кошмарный сон. Ее материалы нужно хранить на библиотечных полках, чтобы их читали следующие за нами поколения.

Тема сегодняшнего круглого стола — «Павловская сессия». Это название широко бытует. Оно стало настолько привычным, что все время проскакивает в наших разговорах. Нужно решительно от него отказаться. Павлов — не организатор, не вдохновитель этой сессии. Павлов — это то светлое имя, которое организаторы сессии самовольно написали на своем грязном знамени. Так к этому и надо подходить.

В этой связи мне вспоминается один разговор, который у меня происходил вскоре после «Павловской сессии» с одним ученым. Он был значительно старше меня. Мы были мало знакомы, знали друг друга только в лицо, встречаясь на заседаниях. Мы с ним шли по Большой Калужской (сейчас это Ленинский проспект) с какого-то заседания в Отделении биологии АН СССР. Шли рядом, но не вместе. Была отвратительная погода, колючий снег. Шли с поставленными воротниками. Он идет рядом и вдруг говорит: «Вы знаете, успехи физиологии последнего времени привели меня к твердому убеждению, что загробной жизни души не существует». Я не знал, как мне на это реагировать. Он заметил это и продолжил: «Потому что если бы загробная жизнь души существовала, то душа Ивана Петровича Павлова пришла бы с большой дубинкой». После этого мы с ним стали друзьями.

Теперь о том, что эта сессия дала самому павловскому учению. Организаторы сессии считали, что она — апофеоз павловского учения. Мне представляется, что любое учение, любое направление в науке становится реакционным в буквальном смысле этого слова. в тот момент, когда оно канонизируется. Это была попытка канонизировать павловское учение. Да еще в том его виде, как оно понималось эпигонами Павлова. Насколько это понимание неглубокое, видно хотя бы из следующего. У Быкова, одного из организаторов и вдохновителей сессии 1950 г., была попытка ввести некую — третью — сигнальную систему. Эта попытка означала полное непонимание сущности того, что Павлов имел в виду под второй сигнальной системой.

Оценивая размеры любого бедствия, надо принимать в расчет не только то, сколько жизней оно унесло, а сколько жизней не появилось в последующий период в результате бедствия. В этом смысле претензии к сессии 1950 г. огромны. Мы говорим о том, кто был отстранен от науки. Верно. Но этот список надо дополнить множеством пустых мест. Мы не можем их заполнить — не знаем, что появилось бы там, не будь сессии. Это — огромная брешь, которую нельзя упускать из виду.

Создавалось впечатление, что в отечественной науке был Сеченов, которому наследовал Павлов и один только Павлов. Это не так. Из Сеченова вытекает многое. Это, конечно, и учение Павлова, но нельзя забывать и о Н. Е. Введенском и А. А. Ухтомском, Н. А. Бернштейне и В. М. Бехтереве. Так называемая «Павловская» сессия как бы закрыла эти имена. Взгляд на историю науки оказался совершенно односторонним. Урон, который нанесен нашей науке сессией 1950 г., огромен.

Сложилась ситуация застоя, во-первых, в физиологии, во-вторых, в психологии, в-третьих, в медицине, и прежде всего в психиатрии и психотерапии. Психотерапия была фактически уничтожена. Появился термин, сам по себе дурацкий,— «антипавловский».

На сессии 1962 г. было очень хорошее и краткое выступление Бонгарда. Он говорил так: здесь нападают на кого-то за «антипавловские» позиции. Но если так, то Эйнштейна надо обвинить в «антиньютоновщине».

Именно за движение вперед — от Павлова — была учинена экзекуция — другим словом не назову, я был свидетелем этого — над Л. А. Орбели. Хочется сказать еще об одном. Велик не только тот ущерб науке, который принесла сессия 1950 г. Велико ее развращающее влияние. Оно выразилось, во-первых, в том, что в те годы некоторые ученые — ситуация была сложная — вынуждены были говорить не то, что думали. Конеч-

но, то, что человек говорит, зависит от того, что он думает, хотя слова — не копия мыслей, но зависимость между ними есть. Можно, однако, обернуть ситуацию, сказав: то, что человек думает, зависит от того, что он говорит. Если он много раз в силу неких обстоятельств повторяет ложь, понимая, что это—ложь, и что другие это понимают, то со временем человек перестает замечать, что это — ложь. Маска, одетая на лицо, в какой-то момент пристает к лицу, и тогда ее уже трудно отодрать.

В стенографическом отчете сессии 1962 г. в ряде выступлений такая маска видна, говорящий хочет ее отодрать, но не может.

Мне вспоминается разговор с одним известным в то время ученым, я не хочу его называть. У меня с ним были хорошие отношения и я считал, что в любой ситуации могу с ним быть откровенным. После сессии ВАСХНИЛ я сказал ему, что прочитал доклад Лысенко — он внутренне противоречив, а некоторые места кажутся прямым вздором. В ответ он мне сказал: «да, конечно, это ужасно, что прошла такая сессия, но, понимаете, все-таки...» — и дальше начал искать ей оправдания.

Мы были вдвоем, страха у него быть не могло, не было, но я понял психологическую природу того, что с ним происходило,— это была психологическая защита. Он занимал административные посты и должен был выступать не только тогда, когда на трибуну его толкала научная совесть. Он много раз говорил то, во что не верил, и начинал искать в этом хоть что-то рациональное. Он защищал свое Я от своего же взгляда на это Я как на лжеца. Ведь неприятно самому себе казаться лжецом. Делается это, скорее всего, неосознанно, психологи феномен такого рода лучше знают. Но подобный способ самозащиты имеет огромное развращающее влияние.

Здесь говорили о том, что историческая наука не должна забывать имен тех, кто был ошельмован на сессии 1950 г. Эти имена названы. Но я думаю, что не надо забывать и имен тех, кто шельмовал. Не потому, что мы хотим им отомстить — пусть хоть после смерти. Но следующие поколения ученых должны понимать, что если отступаешь от истины (иногда кажется: не такой большой ученый, скажу то, что от меня хотят, получу выигрыш, а дальше все забудется), история науки этого не забудет. Здесь были названы имена Быкова, Иванова-Смоленского и Айрапетянца. Прочие есть в стенографическом отчете. Мне хотелось бы, чтобы тот урон, который нанесла науке сессия 1950 г., был превращен в урок науке теперешней и будущей.

(*Продолжение следует*)

ЗАРУБЕЖНАЯ ХРОНИКА

ФИЗИКА ТВЕРДОГО ТЕЛА В ИТАЛИИ

Конференция, посвященная начальному периоду (1945—1960 гг.) физики твердого тела в Италии, состоялась 21—24 сентября 1987 г. в Павии. Многочисленные участники симпозиума — итальянские и зарубежные физики и историки науки — обсуждали различные вопросы истории этого предмета.

Center for history of physics newsletter. 1987. V. 19. № 2. P. 10.

СИМПОЗИУМ «ФИЗИКА В АМЕРИКЕ В 1920—1960-е ГОДЫ»

Симпозиум по проблемам современной физики в Америке, посвященный выдающемуся исследователю в области квантовой механики и физики твердого тела Дж. К. Слэтеру (1900—1976), состоялся 18—19 марта 1988 г. в Филадельфии по инициативе Американского философского общества. Особое внимание было уделено деятельности Дж. К. Слэтера в Массачусетском технологическом институте в 1930—1951 гг. и проблемам современной физики и квантовой механики.

Center for history of physics newsletter. 1987. V. 19. № 2. P. 9.

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Летняя школа 1988 г. по истории и философии науки состоялась 17 июня — 5 июля 1988 г. в Гумбольдтовском университете (Берлин, ГДР) при сотрудничестве с Р. Коэном (Бостонский ун-т), Э. Хибертом (Гарвардский ун-т) и В. Вудвордом (Ун-т Нью-Хэмпшира).

В центре обсуждения — основные проблемы теории развития науки (в основном физики, психологии и биологии XIX—XX вв.), историографии и философии науки.

Journal of the history of the behavioural sciences. 1987. № 4. P. 399—400.

СОДЕРЖАНИЕ